

Научная статья

УДК 81-13

DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-169-183

**Об индивидуальной неповторимости
и эпистемических гарантиях дискурса:
лингвистическая прагматика
в трудах Ю. С. Степанова**

Валерий Закиевич Демьянков

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

vdemiank@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9331-3708>

Аннотация

В дискурсе слова получают актуальный смысл, иногда очень далекий от буквального и радикально отличный от суммы внеконтекстных значений лексических единиц. Поэтому прагматическое исследование выходит за рамки стандартных семантики, лексикологии и грамматики. Огромный вклад в становление лингвистической прагматики как научной дисциплины сделал выдающийся российский филолог Юрий Сергеевич Степанов (1930–2012). Его идеи, связанные с индивидуальными чертами и эпистемическими основами дискурса, опередили свое время и получили широкое распространение в современной теории языка, в философии языка, в контрастивном анализе и в практических разработках в области «прагматической инженерии».

Ключевые слова

лингвистическая прагматика, буквальное значение, актуальное значение, дискурс, прагматическая инженерия, эпистемическая гарантия, индивидуальность стиля

© Демьянков В. З., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 169–183

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 2, pp. 169–183

Для цитирования

Демьянков В. З. Об индивидуальной неповторимости и эпистемических гарантиях дискурса: лингвистическая прагматика в трудах Ю. С. Степанова // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 169–183. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-169-183

On Individual Uniqueness and Epistemic Warrants of Discourse: Linguistic Pragmatics in the Works of Yuri S. Stepanov

Valery Z. Demyankov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
vdemiank@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9331-3708>

Abstract

In discourse, words acquire actual meanings, sometimes very far from the literal ones and radically different from the sum of the non-contextual meanings of isolated lexical items. Therefore, pragmatic research goes beyond standard semantics, lexicology, and grammar. The eminent Russian linguist Yuri Sergeevich Stepanov (1930–2012) played a pivotal role in advancing linguistic pragmatics and stylistics as an academic field. His concepts concerning individual traits and the epistemological underpinnings of discourse were groundbreaking and have since gained significant traction in contemporary linguistics, philosophy of language, contrastive analysis, and research in “pragmatic engineering”.

Keywords

linguistic pragmatics, literal meaning, actual meaning, discourse, pragmatic engineering, epistemic warrant, style individuality

For citation

Demyankov V. Z. On Individual Uniqueness and Epistemic Warrants of Discourse: Linguistic Pragmatics in the Works of Yuri S. Stepanov. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2025, no. 2, pp. 169–183. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-169-183

К 95-летию Юрия Сергеевича Степанова

Введение.

Прагматика как наследница риторики и стилистики

«Прагматический поворот» в лингвистике с середины 1960-х гг., а особенно в 1970-е гг. – подход к употреблению языка как к действию, при котором слова получают актуальный, не всегда буквальный смысл [Grice, 1975]. Такой смысл часто радикально отличается от суммы внеконтекстных, «буквальных» значений лексических единиц, входящих в состав высказывания и дискурса, и может подаваться лишь косвенно, намеком, ср.: *Есть речи – значенье / Темно иль ничтожно, / Но им без волненья / Внимать невозможно* (М. Ю. Лермонтов, *Есть речи*, 1840). Так, книга «How to do things with words» [Austin, 1962] названием обещает научить действовать словами, хотя и не упоминает перформатив *обещаю*.

Такая прагматика унаследовала у риторики (незадолго до того в XX в. реорганизованной в стилистику [Harrison et al., 2014]) богатый понятийный аппарат и багаж наблюдений над тем, как смыслы передавать и вычислять: мало выучить словарь и грамматические правила, нужно еще овладеть и прагматическими «средствами» коммуникации, включая невербальные. Такие средства (pragmatic devices) в совокупности составляют «прагматический язык» («pragmatic language», по [Fridland, 2023, p. 56]), набор приемов убеждения, создания, передачи («внушения») и обработки информации. Их используют, манипулируя информационным запасом, знаниями, когнициями и эмоциями.

Эмпирическая прагматика выявляет закономерности, выходящие за стандартные рамки семантики, лексикологии и грамматики, попутно разрабатывая новые приемы воздействия, «прагматическую инженерию». Огромный вклад в становление этой научной дисциплины сделал выдающийся российский филолог Ю. С. Степанов (1930–2012), для которого непосредственным предметом лингвистической прагматики является «связный и достаточно длинный текст в его динамике – дискурс, соотношенный с главным субъектом, с «Эго» всего текста, с творящим текст человеком. Человек – автор событий. По крайней мере событий, заключающихся в говорении» [Степанов, 1998, с. 708].

Это прекрасно показано в ранних, но уже зрелых книгах Ю. С. Степанова «Структура французского языка» [1965] и особенно «Стилистика французского языка, в сравнении с русской» (1965) [2003]. Например, *une robe de soie* «шелковое платье» говорит о престижности и дороговизне платья из шелка, это обычное для Франции «нарядное, выходное» платье [Там же, с. 57], в отличие от сочетания *une robe en soie* (с предлогом *en* «в») – указание на материал, без такого прагматического подтекста.

Различия в типовом взгляде на мир, проявленные в языковых манерах и нормах выражения, выходящих за пределы «структурного» описания, объединяются под общим названием «стилистика» и занимаются выявлением параметров дискурса, придающих тексту «народный дух», «национальный взгляд на мир» и т. п.: «В разных национальных литературных манерах исследователи находят сходство с национальными характерами и определенную аналогию с языком. Различия между языками подобны различиям в национальных характерах» [Там же, с. 17].

Впрочем, ориентация на «Эго» как на главного свидетеля наблюдений узаконивает и безграничную субъективность исследователя. Так, Ш. Балли французскому языку утрированно и предвзято приписывал любовь к ясности, в отличие от казуистической любви к уточнениям, больше характерной для немецкого дискурса. Поэтому «задачей современной науки становится строгая систематизация таких фактов и создание стройной теории» [Там же, с. 18].

Четко отделить лингвистическое от литературоведческого и культуроведческого бывает сложно, проще их не разделять, считая национальный язык частью или филиалом национальной культуры, см. [Там же, с. 21]. Недаром эти смежные дисциплины, как и философия, и искусство, обладают общими парадигмами исследования, что было блестяще показано в более поздней книге [Степанов, 1985].

Многие идеи, сформулированные Ю. С. Степановым, реализованы в современной прагматике. Остановимся на двух: на представлении об индивидуальной неповторимости речевых действий и на вопросе, почему человек на слово верит даже эпистемически подозрительным, откровенно несостоятельным дискурсам.

1. Прагматика индивидуальной неповторимости

Прагматический подход учитывает речевой и невербальный контексты, в которые языковые выражения вплетаются по ходу коммуникации. При

таким подходе восходят от чисто языковых феноменов (языка-системы, сосюрювской *langue*) к психолингвистическим и социолингвистическим вершинам употребления языка (*langage, discours*).

По Ю.С. Степанову, прагматика – индивидуальное и неповторимое в продуцировании и интерпретации языковых выражений, заключающееся в «**присвоении** себе языка в момент – и на момент речи» [Степанов, 1985, с. 224]. Подобно вилке и ложке, которые лишь на время использования становятся частью человека, язык при таком присвоении расширяет или сужает, сковывает возможности субъекта, адаптируясь к его личности, ср. [Meu, 2009, p. 797]: прагматика видит причины небуквальности и в индивидуальной неповторимости человека и в особенностях языковых единиц, им употребляемых.

Помимо «стилистического» выбора фигур речи (метафор, художественных образов и т. п., обладающих «прибавочным значением»), прагматика исследует социопсихологическое окружение коммуникативных событий – контекстно обусловленные предшествующие и последующие высказывания, особенности коммуникантов, их взаимоотношений и состава их знаний. В частности, входят в этот контекст «практические» цели и знание социальных предписаний (ср.: «Pragmatics, another term for the social uses of language, refers to the use of language to express one's intentions and get things done in the world. Adult pragmatics may include many interpersonal or social functions such as denying, refusing, blaming, offering condolences, and flattering, and even very young children use pragmatic functions such as labeling and demanding» [Gleason, Ratner, 2024, p. 10]).

Согласно степановской концепции «присвоения языка», задача прагматики – устанавливать, как человек взаимодействует с языком данного текста и как тексты влияют на читателя, меняют его, ср.: «explores how readers interact with the language of texts in order to explain how we understand, and are affected by, texts when we read them» [Scott, 2023, p. 3].

Стиль невозможен, если нет выбора. А ведь «Стиль – это и есть человек» (*Le style c'est l'homme même*, Buffon, Discours sur le style, 1753). Эту фразу Ю. С. Степанов любил повторять. Стиль конкретного автора и его читателя входит в состав авторского / читательского профиля, задающего ключ к такому выбору. Имитируя чужой стиль, «the writing style of famous writers» [Sejnowski, 2024, p. 6], пытаются вписаться в этот профиль, употребляя соответствующие единицы языка и добиваясь «обобщения стиля» (stylistic generalization [Ibid., p. 25]), чтобы целевой читатель воспринимал «переключение стиля» (style shift) и «стилистический трансфер» (серьез-

ную или пародирующую имитацию чужого профиля) для восприятия текста. Стилиевой профиль подобен неповторимому отпечатку пальцев человека с тем отличием, что носитель отпечатка – он же и его владелец, имеющий право осознанно вырабатывать, культивировать и оттачивать свой стиль, комбинируя элементарные признаки дискурса или пользуясь (подобно покупателю в магазине одежды) уже готовыми комбинациями, по духу отвечающими «стилевым требованиям уместности», диктуемым ситуацией общения. Не каждый решится прийти на торжественную церемонию в пижаме и употреблять там субстандартную лексику, ср.: «Each individual has a unique set of language stylistics, much like their clothing style. We can view our word *pantry* as a language wardrobe, and choosing speech styles is similar to selecting an outfit for a particular occasion. We wear a suit to work and pyjamas (or pajamas) to bed, for instance, not the other way around. Similarly, we may dress more formally when meeting someone for the first time, such as on a first date, and then more informally as a relationship progresses» [Kiaer, 2024, p. 100]. А сплетничают не в тех же регистрах мысли и речи, что при официальном сообщении [Tudor-Smith et al., 2024, p. 185]).

Связана прагматика и с выбором лексических и грамматических средств в конкретной «подаче»: скажем, броско и «экспрессивно» или скромно и украдкой. Тон же задает музыку: замена одного способа выражения другим может привести к непредсказуемым последствиям. Да и реальный мир – одна из «стилистических реализаций» возможного мира, причем «самого лучшего из всех возможных». Эту мысль Лейбница популяризировал Вольтер.

Типовые предметы прагматики при этом понимании – языковые средства, такие как вежливость, референция и дейксис, имплицатуры и речевые акты; они рассматриваются в контексте употребления языка на фоне человеческих коммуникативных намерений, ср. [Cruse, 2006, p. 136], возникающих в рамках конкретной культуры, в которой реализуются и универсальные, и идиоэтнические, и индивидуальные «концепты», сшитые на заказ.

Знаменитая книга «Константы» Ю. С. Степанова является сводом прагматических знаний о концептах носителей русского языка, энциклопедией лексической прагматики русского языка. В предисловии читаем: «Предмет этого Словаря – понятия, или концепты, русской культуры, такие, как «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Страх», «Любовь», «Вера» и т. п. Давно замечено, что количество их невелико, четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значи-

тельной степени в операциях с этими концептами» [Степанов, 1997, с. 7]. Эти концепты были актуальными для российского общества начала XXI в.: о них часто дискутировали в художественной и научной литературе, к ним апеллируют политики. К этому времени созрели и технические возможности корпусной лингвистики, позволяющие выяснять представительность и упоминаемость концептов в больших объемах текстов [Gubina et al., 2024, p. 21].

К инструментам прагматического исследования относятся также [Carone et al., 2024, p. v]:

- философский анализ, выявляющий формально-логические модели обыденного аргументирующего дискурса. Этот аспект связан с учетом «эпистемической иррациональности» и эмоциональности дискурса как проявления и результата человеческого речевого поведения. Выявляемые данные о прагматических средствах различных языков и культур обнажают проблемность даже очевидного. Четкость и стройность каркаса логики в дискурсе специалиста рушится под давлением нечетких значений единиц языка. Расплывчатыми оказываются сами понятия «нечеткость» (*vagueness*), «метафорическое значение», «утверждение» и т. п.;

- рассмотрение «социокультурного горизонта» коммуникации: предвзятости и предрассудков, механизмов манипуляции и воздействия господствующих и «приблудных» морально-этических ценностей при употреблении языка. Например, формулы *Should I* («должен ли я») или *Do you want me to...* («хотите ли вы, чтобы я») в американском английском накладывают различные социальные обязательства на дальнейшие действия собеседников: «прагматическое» и «социальное» тесно взаимодействуют [Cristofaro, 2024, p. 283]. Результаты такой «прикладной прагматики» востребованы специалистами в модной ныне области кибербезопасности, злобно предупреждающими об угрозе искусственного интеллекта, оказавшись это «автономное оружие» в неумелых руках [Erendor, 2025]. Психотерапевт увидел бы здесь подсознательный мотив саморекламы IT-специалистов: «Ну куда вы без нас?» А политологическая дискурсология, изучая действие выявляемых механизмов на «массовое сознание», тем временем втихую конструирует новую, еще более продвинутую, инженерию коммуникативного воздействия, см. [Zolyan, 2024];

- рассмотрение «ментальных событий», или «событий в ментальности» (*mental events*), составляющих коммуникацию и влияющих на ее протекание. Эмпирические данные, получаемые от нейрологии («нейронау-

ки») и когнитивных наук, психопатологии и др., сегодня позволяют исследовать прагматику мультидисциплинарно.

2. Эпистемические гарантии: модальность и авторитет

Проблема присвоения языка, как это представлял Ю. С. Степанов, вызывает к жизни и следующий вопрос: какой именно язык мы себе присваиваем в момент речи? Тот, который существует независимо от нас («объективно», – сказали бы сторонники «наивного реализма», ср. [Leahey, 2023, p. 9], где дается очень интересный очерк истории эпистемологии в приложении к современной когнитивной науке), или тот, который мы, с нашим земным умишком, рассудком и предрассудками, способны себе представить? И когда говорят именно данным «языком»? [Wolf, 2023, p. 16].

Особое направление прагматических исследований составляет поэтому то, что в англо-саксонской традиции иногда называется «эпистемические гарантии» (epistemic warrants, см. [Lyons, 1977, p. 809]) для подтверждения реалистичности, достоверности и правдоподобия упоминаемых в тексте событий и предметов.

В качестве таких гарантий выступают:

- эпистемическая модальность, представленная в выражениях типа *на самом деле, в действительности, возможно, невероятно* и т. п., и английских *so, you know, actually, oh*; они укрепляют или подрывают уверенность в том, что текст портретирует действительность; эти выражения иногда называют дискурсивными, или «прагматически ориентированными» средствами речи («pragmatic-oriented features of speech» [Fridland, 2023, p. 70]);
- прямое или косвенное указание источника и адресата информации («кто кому и как сказал»), гарантирующих надежность высказывания. «Клянусь бородой дедушки» и призыв «Товарищ, верь!» – всего лишь частные способы заверения [Демьянков, 2025, с. 20].

Степень эпистемической надежности высказываний указывается в тексте прямо или вычисляется на основе репутации автора – действительной или мнимой. Наиболее «надежный» авторитет для говорящего – сам говорящий, он присваивает себе в момент речи и язык (его «дектику», по Ю. С. Степанову), и право судить обо всем, что на этом языке можно помыслить (когниция) и сказать, и «сказать, не подумав». И определять, кто прав, кто вряд ли прав, кто вовсе не прав. И **кто делает вид, что прав, да сам-то и не верит.**

Представлять («презентировать») желаемое как действительное – хорошо зарекомендовавший себя магический прием формирования будущего. На этом основано и понимание, в состав которого входит внушение с его непредвиденными факторами влияния на будущее поведение интерпретатора, когда используют знания о прошлом для удовлетворения потребностей настоящего («a way of appropriating the knowledge of the past to serve the needs of the present» [Bennett, 2023, p. 460]) и «возможно-желанного» будущего. Так, увидев профессора Преображенского с куском колбасы, завернутым в бумагу, и не догадываясь еще о его дальнейших действиях, великий пес российской словесности прибегает к магической (в отсутствие реального собеседника – мысленной) манипуляции, к явному заманиванию:

«Какого же лешего, спрашивается, носило его в кооператив Центрохоза? Вот он рядом... Чего ждет? У-у-у-у... Что он мог покупать в дрянном магазинишке, разве ему мало Охотного ряда? Что такое? Колбасу. Господин, если бы вы видели, из чего эту колбасу делают, вы бы близко не подошли к магазину. Отдайте ее мне» (М. А. Булгаков, Собачье сердце, 1925).

Но у этого героя далеко не всё на языке, что на уме. Нелестную оценку пес высказывает не как какой-нибудь невоспитанный грубиян Собакевич, «мордой об стол», а лукаво-уточненно, не покидая своего «внутреннего мира», не выходя из своей внутренней «возможной конуры» – самой лучшей в мире, согласно все тем же Лейбницу и Вольтеру. Иначе как же убедить фиктивного, «мысленного», упрямого адресата отдать ненужную и некачественную «дрянь»?

Ради «дрянной» колбасы не грех воспользоваться даже многоэшелонным невербальным лавированием с заключительным аккордом: собачьим «Отдай лучше это мне!» или кошачьим «Возьми эту веревочку, я кладу вот сейчас ее к твоим ногам: я хочу за нею погоняться, как очумелая, поиграй ею со мной!». Трогательное простодушие нарочно обнажает истинное предназначение коммуникативной многоходовки. Этот совсем не наивный прием издавна используется в пропаганде на русском, английском и др. языках, даже на пёсьем и кошачьем.

Узуальность, уместность и действенность прагматических средств в тексте регулируются стандартами культур дискурса. Различные такие средства в рамках одного высказывания иногда сочетаются между собой парадоксальным образом, противореча друг другу. Так, в большом английском корпусе литературных текстов очень часто сочетание модального

глагола *can* без отрицания плюс дискурсивное слово *possibly* (8 698 примеров), например: *It was already quite near the point, and a very few strokes of the paddle sufficed to tell him that it must touch before he **could possibly** overtake it* – букв. «Она была уже совсем близко от мыса, и нескольких взмахов веслом было достаточно, чтобы понять, что она должна коснуться его, прежде чем он **смог бы, возможно** (т. е. сможет. – В. Д.), ее догнать» (James Fenimore Cooper, *The Deerslayer*, 1841). Причем в речи о возможности глагол *can* бывает в форме прошедшего времени, если сама эта речь имеет место в прошлом.

Часто, но заметно реже встречаем *could possibly* с отрицанием (6 692 примеров): *Do you ever seem to remember things that you **could not possibly** remember?* – букв. «Кажется ли вам, что вы когда-нибудь вспоминаете вещи, которые вы **не могли бы, возможно** (т. е. никак не могли бы), вспомнить?» (H. Lawson, *The Rising of the Court*, 1910). Подробнее см. [Демьянков, 2022].

Нередко даже в одном и том же предложении говорится о возможности и невозможности одновременно: *They **could not possibly** – Checkley, the only two who **could possibly** have access to that safe in office hours are yourself and Mr. Arundel* – букв. «Они не могли, возможно (т. е. никак не могли)... Чекли, единственные двое, кто **мог, возможно** (т. е. кто мог бы. – В. Д.), иметь доступ к этому сейфу в рабочее время, – это вы и мистер Арундел» (Sir Walter Besant, *The Ivory Gate*, 1892).

В английском и (меньше) немецком больших корпусах утвердительные модальные глаголы в действительном залоге «семантически редуплицируются» (давая сочетание «мочь» плюс «возможно») заметно реже, чем отрицательные и / или в сослагательном наклонении, и / или в прошедшем времени [Демьянков, 2025]. Недаром отрицание объединяют с сослагательностью в одну категорию – «неактуальность» и «заглазность» (не на глазах у собеседников), противопоставляя позитивной эвиденциальности.

Итак, у одних эпистемически состоятельных высказываний подчеркивают реальность и неопровержимость, ручаясь за истину больше, чем у других (ср. *на самом деле* и *возможно*): верифицируется не собственно высказываемое, а аккредитация и / или дискредитация гарантов. В политическом дискурсе дискредитация аналогична уничтожению живой силы противника на поле боя. Тогда показывают, насколько сомнительна и ненадежна эпистемическая «кредитная история» супостата, неоднократно уличенного во лжи и порочных наклонностях, в неискренности, элементарном невеже-

стве или хотя бы в подозрительных родственных связях и глумливой улыбке. Ссылаются и на авторитетное, но голословное, порой просто ложное мнение об этих отягощающих обстоятельствах.

Говоря, что язык существует для того, чтобы лгать, Талейран имел в виду и эту сторону: «Ложь – такая замечательная штука, которой не следует злоупотреблять» («Le mensonge est une si excellente chose qu'il ne faut pas en abuser»). Иначе говоря, **если врать, то только по большой нужде и / или когда ничего другого не остается**. Но не будем забывать и об орнаментальной лжи, о тех неточностях (преувеличениях и преуменьшениях, understatements), о «лжи во спасение» и т. п., которые, повышая эпистемическое самоуважение собеседника, придают речи внушительность.

К искусству вводить в заблуждение в постталейрановскую эпоху усталости «от лжи и пудры» прибегают и высокочеловеческие манипуляторы, и их интерпретаторы, даже шитые неприхотливым лыком. Здесь, впрочем, следует знать меру, чтобы оболысшаемый нарцисс не «почувствовал себя лопухом» и не заподозрил подвох.

Заключение

1. Лингвистическая прагматика анализирует употребление различных языковых единиц (материальная оболочка плюс значения) под углом зрения их употребления, «узуса». А «прагматика языка» – набор средств конкретного языка, значения которых и присваиваются говорящим, и сами модифицируются по ходу употребления. Иначе говоря, взятые не как инвентарные единицы, а подобно лопате в руках: в контексте реального и возможного употребления.

2. «Эпистемические гарантии» являются предметом теоретической и эмпирической прагматики. По эпистемическим гарантиям, как по мерной линейке, человек сверяет свои слова, мысли и смыслы с реальными и возможными мирами, с чужими и своими мнениями, и не всегда добровольно ограничивает свое суверенное право судить о них.

Прикладное значение исследования эпистемических гарантий – в том, чтобы создавать тексты, обладающие заданными параметрами воздействия на адресатов, и усовершенствовать средства личной «эпистемической гигиены» интерпретаторов как вождельных жертв манипуляции.

Поэтому создание систем искусственного интеллекта, способных убедительно объяснять и / или опровергать, – область прикладной когнитивно

ориентированной прагматики. Подбор и ранжирование эпистемических гарантий таким системам по плечу.

З. Ю. С. Степанов описал интереснейшие фрагменты прагматики французского и русского языков, предвосхитив новые области прикладной лингвистической прагматики.

Список литературы

Демьянков В. З. Семантическая редупликация в высказываниях о возможном // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 39–43.

Демьянков В. З. Прагматика эпистемических гарантий реального, возможного и вероятного в дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 2. С. 13–27.

Степанов Ю. С. Структура французского языка. М., 1965. 182 с.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. 335 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997. 824 с.

Степанов Ю. С. Язык и метод: к современной философии языка. М., 1998. 784 с.

Степанов Ю. С. Стилистика французского языка, в сравнении с русской. 3-е изд. М., 2003. 368 с.

Austin J. L. How to do things with words (The William James lectures delivered at Harvard University). Oxford, 1962. VII, 167 p.

Bennett K. Approaches to knowledge translation // The Routledge Handbook of Translation Theory and Concepts. Abingdon; New York: Routledge, 2023. P. 443–462.

Capone A., Graci P., Perconti P. About this book // New Frontiers in Pragmalinguistic Studies: Theoretical, Social, and Cognitive Approaches. Berlin; Bern: Springer, 2024. P. v–vi.

Cristofaro M. Di. Corpus Approaches to Language in Social Media. London etc.: Routledge, 2024. 398 p.

Cruse A. A Glossary of Semantics and Pragmatics. Edinburgh etc., 2006. 198 p.

Erendor M. E. (ed.). Cyber Security in the Age of Artificial Intelligence and Autonomous Weapons. Boca Raton; London; New York: CRC Press, 2025. 232 p.

Fridland V. Like, Literally, Dude: Arguing for the Good in Bad English. New York: Viking, Penguin Publ., 2023. 336 p.

- Gleason J. B., Ratner N. B. The Development of Language. 10th ed. San Diego, CA: Plural Publ., 2024. 444 p.
- Grice P. Logic and conversation // Speech acts / Ed. by P. Cole, J. L. Morgan. New York etc., 1975. P. 41–58.
- Gubina A., Fox B. A., Raymond C. W. What to do next: *Should I* and *((Do) you) want me to* in joint activities in American English // New Perspectives in Interactional Linguistic Research. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2024. P. 20–48.
- Harrison Ch., Nuttall L., Stockwell P., Yuan W. Introduction: Cognitive grammar in literature // Cognitive Grammar in Literature / Ed. by Ch. Harrison, L. Nuttall, P. Stockwell, W. Yuan. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2014. P. 1–16.
- Kiaer J. Whose Language is English? New Haven; London: Yale Uni. Press, 2024. 264 p.
- Leahey Th. H. Fundamentals of Cognitive Science: Minds, Brain, Magic, and Evolution. New York etc.: Routledge, 2023. 398 p.
- Lyons J. Semantics. Cambridge etc., 1977. XIV, 897 p.
- Mey J. L. Pragmatics: Overview // Concise Encyclopedia of Pragmatics / Ed. by J. L. Mey. 2nd ed. Amsterdam etc., 2009. P. 787–797.
- Scott J. Creative Writing and Stylistics: Critical and Creative Approaches. Revised and expanded edition. London etc.: Bloomsbury Publ., 2023. 250 p.
- Sejnowski T. J. Chat GPT and the Future of AI: The Deep Language Revolution. Cambridge, MA; London: The MIT Press, 2024. XIV, 257 p.
- Tudor-Smith G., Williams P., Meakins F. Bina: First Nations Languages, Old and New. Melbourne: La Trobe Uni. Press, 2024. 396 p.
- Wolf M. P. Philosophy of Language: 50 Puzzles, Paradoxes, and Thought Experiments. New York etc.: Routledge, 2023. 392 p.
- Zolyan S. When Actions and Meanings Meet Each Other (in Relation to Performatives in Political Practices and Discourses) // New Frontiers in Pragmalinguistic Studies: Theoretical, Social, and Cognitive Approaches. Berlin; Bern: Springer, 2024. P. 157–176.

References

- Austin J. L. How to do things with words (The William James lectures delivered at Harvard University). Oxford, 1962, VII, 167 p.
- Bennett K. Approaches to knowledge translation. In: The Routledge Handbook of Translation Theory and Concepts. Abingdon, New York, Routledge, 2023, pp. 443–462.

Capone A., Graci P., Perconti P. About this book. In: *New Frontiers in Pragmalinguistic Studies: Theoretical, Social, and Cognitive Approaches*. Berlin, Bern, Springer, 2024, pp. v–vi.

Cristofaro M. Di. *Corpus Approaches to Language in Social Media*. London etc., Routledge, 2024, 398 p.

Cruse A. *A Glossary of Semantics and Pragmatics*. Edinburgh etc., 2006, 198 p.

Demyankov V. Z. Semanticheskaya reduplikatsiya v vyskazyvaniyakh o vozmozhnom [Semantic reduplication in utterances on possibilities]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2022, no. 4 (51), pp. 39–43. (in Russ.)

Demyankov V. Z. Pragmatika epistemicheskikh garantii real'nogo, vozmozhnogo i veroyatnogo v diskurse [Pragmatics of epistemic warrants of the real, the possible and the probable in discourse]. *Slovo.ru: baltiiskij akcent*, 2025, vol. 16, no. 2, pp. 13–27. (in Russ.)

Erendor M. E. (ed.). *Cyber Security in the Age of Artificial Intelligence and Autonomous Weapons*. Boca Raton, London, New York, CRC Press, 2025, 232 p.

Fridland V. *Like, Literally, Dude: Arguing for the Good in Bad English*. New York, Viking, Penguin Publ., 2023, 336 p.

Gleason J. B., Ratner N. B. *The Development of Language*. 10th ed. San Diego, CA, Plural Publ., 2024, 444 p.

Grice P. Logic and conversation. In: Cole P., Morgan J. L. (eds.). *Speech acts*. New York etc., 1975, pp. 41–58.

Gubina A., Fox B. A., Raymond C. W. What to do next: Should I and ((Do) you) want me to in joint activities in American English. In: *New Perspectives in Interactional Linguistic Research*. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, 2024, pp. 20–48.

Harrison Ch., Nuttall L., Stockwell P., Yuan W. Introduction: Cognitive grammar in literature. In: Harrison Ch., Nuttall L., Stockwell P., Yuan W. (eds.). *Cognitive Grammar in Literature*. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, 2014, pp. 1–16.

Kiaer J. *Whose Language is English?* New Haven, London, Yale Uni. Press, 2024, 264 p.

Leahey Th. H. *Fundamentals of Cognitive Science: Minds, Brain, Magic, and Evolution*. New York etc., Routledge, 2023, 398 p.

Lyons J. *Semantics*. Cambridge etc., 1977, XIV, 897 p.

Mey J. L. Pragmatics: Overview. In: Mey J. L. (ed.). *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. 2nd ed. Amsterdam etc., 2009, pp. 787–797.

Scott J. Creative Writing and Stylistics: Critical and Creative Approaches. Revised and expanded edition. London etc., Bloomsbury Publ., 2023, 250 p.

Sejnowski T. J. Chat GPT and the Future of AI: The Deep Language Revolution. Cambridge, MA, London, The MIT Press, 2024, XIV, 257 p.

Stepanov Yu. S. Struktura frantsuzskogo yazyka [Structure of French]. Moscow, 1965, 182 p. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. Stilistika frantsuzskogo yazyka, v sravnenii s russkoi [Stylistics of French compared with Russian]. Moscow, 1965, 368 p. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In the three-dimensional space of language: Semiotic aspects of linguistics, philosophy, and art]. Moscow, 1985, 335 p. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. Yazyk i metod: k sovremennoi filosofii yazyka [Language and method]. Moscow, 1998, 784 p. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: Opyt issledovaniya [Constants: A glossary of Russian culture]. Moscow, 1997, 824 p. (in Russ.)

Tudor-Smith G., Williams P., Meakins F. Bina: First Nations Languages, Old and New. Melbourne, La Trobe Uni. Press, 2024, 396 p.

Wolf M. P. Philosophy of Language: 50 Puzzles, Paradoxes, and Thought Experiments. New York etc., Routledge, 2023, 392 p.

Zolyan S. When Actions and Meanings Meet Each Other (in Relation to Performatives in Political Practices and Discourses). In: New Frontiers in Pragmalinguistic Studies: Theoretical, Social, and Cognitive Approaches. Berlin, Bern, Springer, 2024, pp. 157–176.

Информация об авторе

Валерий Закиевич Демьянков, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Valery Z. Demyankov, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 21.04.2025;

одобрена после рецензирования 10.05.2025; принята к публикации 10.05.2025

The article was submitted on 21.04.2025;

approved after reviewing on 10.05.2025; accepted for publication on 10.05.2025